

«Время требует сотрудничества нового типа с советскими учёными»: научные обмены сверхдержав в годы президентства Р. Рейгана

 В.Т. Юнгблюд

Вятский государственный университет

Взаимодействие США и СССР в сфере науки и технологий в 1980-е гг. имело сложную структуру и было важным аспектом финальной стадии Холодной войны, повлиявшим на её результаты. Динамика этого взаимодействия рассмотрена в статье на основе изучения оцифрованных материалов Государственного департамента США, документов Библиотеки президента США Р. Рейгана и ЦРУ, а также документов Архива Российской академии наук и Российского государственного архива новейшей истории. Особое внимание уделено контактам Академии наук СССР и Национальной академии наук США в переходные от разрядки международной напряжённости к завершающей фазе Холодной войны годы. Отмечена активная и самостоятельная роль американских учёных в противостоянии попыткам консервативной части администрации ужесточить режим секретности и свести на нет сотрудничество с советскими коллегами. Проблематика, отбор источников, а также общий ракурс исследования определены исходя из методологических установок «новой истории Холодной войны». В качестве главного инструмента обработки документальной базы выбран метод историко-динамического анализа. Обоснованы выводы о том, что а) к началу первого президентского срока Р. Рейган не имел чёткой стратегии действий в отношении Советского Союза; б) нащупывая собственный алгоритм стратегии «сдерживания коммунизма», он сделал ставку на научно-технический прогресс и достижение технологического превосходства над СССР; в) одной из причин успеха его политики стало установление конструктивных отношений с академическим сообществом страны; г) администрация при всех поворотах своей политики сохраняла «окно возможностей» для продолжения диалога с Москвой.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Р. Рейган, санкции, трансфер технологий, научно-техническое взаимодействие, Холодная война, Академия наук СССР, Национальная академия наук США

УДК: 327(470+73)“1981/1985”:001.32

Поступила в редакцию: 11.11.2025

Принята к публикации: 20.01.2026

Советско-американские отношения в 1981–1989 гг. в историографии оцениваются как второе издание Холодной войны (Печатнов, Манькин 2012) или новая Холодная война (Батюк 2018; Garthoff 1994). Соперничество сверхдержав в те годы приобрело всеобъемлющий характер. Внешне новый виток конфронтации проявлялся через возобновление ядерной гонки, рост санкционного давления Запада, и прежде всего США, на СССР и его союзников, а также через обострение противостояния на периферии Холодной войны в странах третьего мира.

Для внешнего мира соотношение сил в этом противоборстве измерялось преимущественно количественными показателями: тысячами боеголовок, дальностью полёта и забрасываемыми весами ракет, объёмами производства продукции в ключевых отраслях экономики и проч. Качественные показатели оставались «не на виду». Между тем, уже в середине 1970-х гг. стало очевидно, что исход соревнования двух систем будет зависеть главным образом от их способности конвертировать результаты научных открытий в передовые технологии, от роста производительности труда, улучшения качества жизни людей и создания более совершенных систем вооружения.

Установка пришедшего к власти в январе 1981 г. Р. Рейгана на возобновление Холодной войны предполагала наличие научно-технологических преимуществ – ощутимых настолько, чтобы их можно было использовать для достижения политических целей. Республиканской администрации такой курс казался перспективным вследствие того, что на рубеже 1970-х – 1980-х гг. экономика СССР переживала системный кризис (Митрохин 2023: 141–143), который усугублялся серьёзными пробелами в развитии научно-технологического комплекса. «Технологии и информация к началу 1980-х гг. стали ахиллесовой пятой СССР», – справедливо отмечает британский историк Д. Рейнольдс (Reynolds 2010: 378). Сам факт отставания секретом не являлся – на него указывали и официальная статистика, и выводы аналитиков. Однако считалось, что преимущество США не было подавляющим и, что не менее важно, отставание СССР не воспринималось как непреодолимое ни союзниками, ни противниками США.

Советское руководство неизменно декларировало приверженность курсу на использование достижений научно-технического прогресса для развития экономики и укрепления обороноспособности страны. Понятием «застой» в стране развитого социализма в то время не пользовались, вместо него в ходу был другой термин – «стабильность».

Согласно определению современного исследователя, о застое начала 1980-х гг. можно говорить не из-за падения темпов производства, «а потому, что в это время советское руководство утратило способность добиваться целей, которые само перед собой ставило» (Сафронов 2025: 526). Но если применительно к общему состоянию экономического развития страны такое

определение на рубеже 1970-х – 1980-х гг. можно было считать в основном приемлемым, то в отношении предприятий ВПК, энергетики и космоса оно было совсем не очевидным. Укрепление технологической независимости страны входило в число приоритетов руководителей СССР, нацеленных на сохранение лидирующих позиций в мировой системе социализма и успешное противостояния США в возобновившейся Холодной войне¹. Космос и «оборонка» были на особом счету и на этих направлениях достигались значительные успехи. Во всяком случае о том, что технологическая независимость СССР может быть поколеблена, в США и в НАТО мало кто думал (Natzivassiliou 2018: 94, 104–106), а агрессивная риторика Рейгана и некоторых членов его команды на эту тему нередко воспринималась либо как средство психологического воздействия на Москву, либо как пропагандистский приём, либо как отрыв от реальности недалёковидных и заиклированных на антикоммунизме консерваторов².

Между тем действия администрации Рейгана, направленные на блокирование попыток советского руководства использовать достижения в научно-технической сфере (в том числе полученные в результате выполнения американо-советских научных проектов и трансфера технологий) для сохранения лидерства в мировой системе социализма и укрепления своего влияния на международную арене, носили совсем не декларативный характер.

Соответствуют ли историческим фактам утверждения некоторых членов команды Рейгана (Пайпс 2005; Keyworth 2010; Robinson 2016) и ряда историков (Швейцер 2021; Haslam 2011; Marlo 2016) о том, что с первых же дней пребывания у власти администрация последовательно стремилась не к сдерживанию, а к нанесению СССР стратегического поражения и завершению Холодной войны на своих условиях? Насколько результативными были усилия Вашингтона по подрыву технологического суверенитета СССР? Какую роль в определении масштабов и форм взаимодействия двух держав в сфере науки и техники играли учёные, в первую очередь представители Академии наук СССР и Национальной академии наук США? Указанные вопросы формируют исследовательский контур настоящей статьи. Ответы на них важны для детализации истории финального этапа Холодной войны, осмысления причин крушения СССР и системы социализма – крились ли они в нежизнеспособности советского строя, или этот строй был обрушен изощрённой политикой республиканской администрации США.

¹ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февраля – 3 марта 1981 г. 1981. Стенографический отчёт. Т. 1. Москва: Политиздат. С. 60–63.

² В сентябре 1985 г. помощник Э.А. Шеварднадзе Т.Г. Степанов-Мамаладзе в своём дневнике, указав, что Рейганом движут в основном идеологические мотивы, привёл высказывание обозревателя The Observer С. Хоггарта, обратившего внимание на то, что в международных делах речевые штампы Рейгана имеют невысокую эффективность: «За рубежом (в отличие от США – Т.С.) Рейган вечно предстал в качестве вечно бормочущего старого недотёпы, чей упрощенческий милитаризм вполне может привести к тому, что мир взлетит на воздух... Президентское обаяние и вполнину не сработает так же хорошо за рубежом». См.: Дневник Т.Г. Степанова. 1985 год. *Горбачёв-фонд*. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/era_1985.pdf (дата обращения: 01.02.2026)

Хронологически статья охватывает период 1981–1985 гг., что в основном совпадает с первым президентским сроком Р. Рейгана и не затрагивает события, последовавшие за приходом к власти в СССР М.С. Горбачёва, существенно повлиявшие на характер двусторонних отношений.

В отечественной и зарубежной историографии имеются работы, посвящённые американско-советским отношениям в 1980-е гг. (Зубок 2023; Печатнов, Маныкин 2012; Garthoff 1994; Bailey 2016; Paulauskas 2015). В большинстве из них в центре внимания находятся военно-политические, экономические и дипломатические аспекты этих отношений (Батюк 2018; Бокарев 2009; La Varga 2023; Oreskes, Krige 2014; Robinson 2016). Есть исследования, посвящённые взаимодействию двух держав в сфере науки и технологий (Атоян, Крысенко 2017; Irwin 1993; Rabkin 1988; Schweitzer 1989; Schweitzer 2004; Sher 2019; Wolfe 2013). Фактор научно-технического взаимодействия США и СССР в них либо затрагивается косвенно, не становясь предметом специального изучения, либо рассматривается в контексте соперничества в рамках конкретной отрасли (космос, создание новейших систем оружия).

В настоящей статье использованы методы системного, ретроспективного и историко-динамического анализа, позволяющие проследить трансформацию политики администрации Рейгана в отношении СССР в условиях смены научно-технологического уклада и постановки новых внешнеполитических задач.

В процессе подготовки статьи были использованы включённые в официальное многотомное издание бумаги президента США Р. Рейгана, оцифрованные материалы его мемориального Центра, документы Конгресса, Государственного департамента и ЦРУ. Американские источники дополнены ранее не публиковавшимися материалами отечественных архивов: РГАНИ, Архив РАН, Архив Фонда М.С. Горбачёва. Также привлекались мемуары и дневники американских и советских государственных деятелей и дипломатов.

Научно-техническое «наследие разрядки» в «эпоху перемен»

К началу 1980-х гг. американско-советские отношения переживали глубокий кризис. Победа в США на выборах 1980 г. республиканца Р. Рейгана произошла на фоне свёртывания сотрудничества между Вашингтоном и Москвой. В таких условиях администрация Рейгана поставила перед собой двудеятельную стратегическую задачу: упрочить лидерство среди союзников, одновременно наращивая превосходство над СССР (Пайпс 2005: 246–248; Marlo 2016: 11–12, 21). По пути в Белый дом новый президент произнёс немало речей, обличающих Дж. Картера в слабости и неспособности противостоять СССР и «мировому коммунизму». Термин «разрядка» в его словаре практически отсутствовал, а политика сотрудничества с СССР квалифицировалась как отступление перед «главным противником». Начать собственный курс с чистого листа, однако,

он не мог: в США и в мире оставалось много сторонников разрядки, к тому же в 1970-е гг. было подписано значительное количество важных документов, с которыми приходилось считаться.

Важной частью «наследия разрядки сверхдержав» был комплекс соглашений о научном сотрудничестве, заключённых правительствами СССР и США в 1970-е гг. В течение нескольких лет эти соглашения «оказывали существенное воздействие на преобразование концепции разрядки в чрезвычайно зримые виды деятельности» (Юнгблюд 2024; 2025; Ailes, Pardee 1984). Согласно замыслу одного из инициаторов разрядки Г. Киссинджера, изначально в структуре двусторонних отношений науке и технологиям отводили роль «разменного материала» для выравнивания баланса интересов сторон по широкому спектру проблем, в первую очередь политических и военных³. Однако быстро выяснилось, что научные обмены охотнее подчиняются логике развития научного знания и нормам академической этики, чем политическому и административному нажиму. К тому же, помимо чисто научных результатов, вовлечённым в эти процессы американским и советским учёным, инженерам и организаторам науки работа в совместных проектах давала ощущение причастности делу преодоления раскола мира. С обеих сторон в эту деятельность были вовлечены сотни учёных, их усилиями создавался своеобразный «культурный слой», определявший оптимистичный психологический фон международной жизни 1970-х гг.

Если у разрядки и был потенциал для «преодоления» Холодной войны⁴, то только на этом, относительно узком участке конкурентного соприкосновения сверхдержав, где лучшие умы человечества впервые получили возможность формировать повестку исследований по важным научным проблемам. В.О. Печатнов справедливо отметил, что в 1970-е гг. снижение напряжённости сопровождалось надеждами на «преодоление системной пропасти между двумя странами – “мы и они”, двигаясь навстречу друг другу, в отдалённой перспективе должны были соединиться в некое новое “мы”» (Печатнов 2022: 451).

Однако подобные настроения были характерны главным образом для научных и творческих кругов сверхдержав. Что касается политических элит, то здесь даже на стадии «высокой разрядки» (1972–1974 гг.) настроения нельзя

³ В 1972–1977 гг. СССР и США подписали 11 соглашений. Первым из них стало Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединённых Штатов Америки о сотрудничестве в области науки и техники от 24 мая 1972 г. (рассчитано на пять лет, в июле 1977 г. продлено на пять лет). К нему примыкали три соглашения о сотрудничестве: в области охраны окружающей среды, в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в области медицины и здравоохранения. В 1973 г. в Вашингтоне были подписаны ещё четыре соглашения: о сотрудничестве в исследованиях в области сельского хозяйства, мирового океана, транспорта, атомной энергии.

⁴ Ал.А. Громыко, анализируя выступления Л.И. Брежнева и А.А. Громыко, приходит к выводу, что во второй половине 1970-х гг. «советское руководство ... воспринимало разрядку не как более благополучный этап Холодной войны, а как её преодоление» (Громыко 2019: 100).

было назвать благодушными, прежде всего, в силу того, что каждая сторона вкладывала в понятие «разрядка» разное содержание. Согласно советским идеологическим постулатам, её отождествляли с «мирным сосуществованием», которое понималось как «форма классовой борьбы» (Батюк 2018: 208). Что касается американских лидеров, то, по оценке посла СССР в США А.Ф. Добрынина, оказавшись у власти, Р. Никсон и Г. Киссинджер не располагали «готовой или продуманной концепцией разрядки, и тем более окончания Холодной войны». Последнее, по мнению посла, «вообще не ставилось ими в качестве конкретной конечной цели» (Добрынин 1996: 488). Последовательно приходившие после Никсона к власти Дж. Форд и Дж. Картер ясности в этот вопрос не внесли.

Но «романтический период» советского-американского сближения продлился недолго. К моменту победы на выборах 1980 г. Р. Рейгана разрядка была уже в прошлом. Однако далеко не все научные связи были прерваны. Академик Е.П. Велихов, вспоминая о своих научных контактах с западными коллегами в начале 1980-х гг., писал: «Политически время раннего Рейгана было весьма напряжённым, и я, как вице-президент советской Академии наук, представлял как бы лагерь тоталитаризма, остальная братия – демократию. Нас всех, конечно, прежде всего, объединяла наука, но когда переходили к стратегическим вопросам, мы естественно, оказывались по разные стороны разлома» (Велихов 2017: 130).

Проблема научных обменов в переговорной повестке Москвы и Вашингтона в начале 1980-х гг.

Знарок истории американо-советского взаимодействия в сфере науки и техники Г. Швейцер⁵ вспоминал, что с самого начала администрация Рейгана предложила в переговорах с СССР выделять четыре предметные области: «контроль за вооружениями, права человека, региональные проблемы и общие проблемы двусторонних отношений» (Schweitzer 1989: 16). На самом деле такая структура сложилась не сразу. Она была предложена только в январе 1983 г. через полгода после назначения государственным секретарём Дж. Шульца, сменившего на этом посту А. Хейга. Формулируя таким образом переговорную повестку с Москвой, новый глава внешнеполитического ведомства учёл опыт

⁵ Гленн Швейцер – непосредственный участник и один из первых исследователей описываемых событий. Работал в Агентстве по контролю над вооружениями и разоружению и в посольстве США в Москве. В правительстве США Швейцер занимал должности старшего научного сотрудника по морским вопросам в аппарате вице-президента, директора Управления по науке и технологиям Агентства США по международному развитию (USAID), директора Управления по токсичным веществам Агентства по охране окружающей среды (EPA) и директора Лаборатории систем мониторинга окружающей среды. Швейцер – автор двенадцати книг, посвящённых вопросам международного научного сотрудничества.

двух предыдущих лет общения администрации с руководством СССР и наметил вектор развития двусторонних контактов, как оказалось, на грядущие полтора президентских срока Рейгана.

Место науки и технологий в этом документе не было чётко прописано. Зато там указывалось, что никакие шаги администрации «не должны способствовать укреплению военной мощи СССР», рекомендовалось восстановить работу Совместной торговой комиссии, используя её в качестве механизма управления двусторонней торговлей в соответствии со стратегией США, а также предлагалось «расширить доступ к советскому обществу», в том числе путём заключения нового рамочного соглашения о культурных обменах⁶. Почти сразу такой переговорный сценарий был апробирован во время рабочей встречи Шульца с Добрыниным в середине февраля 1983 г., причём советский посол поднял вопрос о пролонгации в 1983–1984 гг. соглашений о сотрудничестве в научно-технической сфере и атомной энергетике, исследовании мирового океана, строительстве и по ряду других направлений⁷. После прихода к власти республиканской администрации в январе 1981 г. конструктивный обмен мнениями по данным вопросам состоялся впервые.

Таким образом, в течение двух лет академические обмены и контакты между учёными двух стран, по сути дела, находились вне поля зрения руководства страны. Такое положение дел сложилось прежде всего из-за того, что научно-технологический контекст политики в отношении СССР в Вашингтоне всплывал главным образом в связи с сугубо конфронтационными аспектами отношений – либо санкционными («лишить Советы возможности закупать наукоёмкие изделия и технологии»), либо конспирологическими («пресечь утечки ценной научной информации в СССР и страны Варшавского договора»). Для самого Рейгана, по словам советника президента по проблемам науки и технологий Дж. Кейворта⁸, «в течение первых двух лет высшим приоритетом была модернизация национальных стратегических запасов и реформа вооружённых сил». Взвешивая различные варианты модернизации и «пытаясь понять мотивы и намерения Советского Союза», Рейган, по мнению Кейворта, «схватывал все нюансы сдерживания» (Keyworth 2010: 62–63). Другие грани научно-технического взаимодействия с СССР его поначалу не интересовали.

⁶ Memorandum from Secretary of State Shultz to President Reagan. 1983. *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1981–1988. Vol. IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985*. Washington, January 19. Doc. 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d1> (accessed 01.02.2026)

⁷ Memorandum of Conversation. 1983. *FRUS, 1981–1988. Vol. IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 11*. Washington, February 15. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d11> (accessed 01.02.2026).

⁸ Джордж Альберт «Джей» Кейворт II – американский физик, до приглашения на должность советника президента США возглавлял физическое отделение Лос-Аламосской национальной лаборатории. В 1981–1986 гг. занимал пост советника президента США по вопросам науки и технологий, одновременно возглавляя Управление научно-технической политики Белого дома.

Тем временем контакты между американскими и советскими учёными и академическими учреждениями, начало которым было положено в предшествующее десятилетие, продолжались, хотя и в гораздо меньших масштабах.

Взаимодействие АН СССР с американской наукой: планы и реальность

В 1977 г. Академия наук СССР, определяя перспективы совместной исследовательской деятельности с капиталистическими и развивающимися странами на 1981–1985 гг., подготовила список приоритетных для совместных исследований предложений. Он был довольно обширным и включал перечень фундаментальных направлений, таких как теория функций и функциональный анализ; теория дифференциальных уравнений; математические методы в теоретической физике; космические лучи; исследование мюона и нейтрино; физика атомного ядра; фундаментальные исследования по основным направлениям физики твёрдого тела; квантовая электроника и её применение; исследование космоса; исследование природных ресурсов и геофизических характеристик Земли космическими средствами; общая теория управления; разработка и исследование МГД-электростанций открытого цикла промышленного масштаба; химический катализ*, биоорганическая химия, молекулярная биология, биологическая физика, микробиология, проблемы организации и механизмы деятельности мозга; проблемы генетики; прогноз землетрясений; изучение состава атмосферы и вещества планет солнечной системы; структура океанических течений*; изучение Мирового океана на численных моделях; теория климата*, изучение планетных атмосфер*; крупномасштабное взаимодействие океана и атмосферы*; управление водными ресурсами речных систем*; воздействие общества на окружающую среду*⁹. Многие из предлагавшихся проектов имели серьёзные научные заделы и перспективы. Однако рост напряжённости и деградация доверия в отношениях Вашингтона и Москвы на рубеже 1970-х – 1980-х гг. не гармонировали с планами научных исследований в рамках совместных программ.

Когда в 1986 г. в Академии наук СССР провели «ревизию» реального состояния сотрудничества с американской наукой, выяснилось, что далеко не всё из запланированного в атмосфере детанта удалось претворить в жизнь. В подготовленной по итогам этого мониторинга справке сообщалось, что наибольшее

⁹ Предложения АН СССР об основных направлениях научного сотрудничества с капиталистическими и развивающимися странами на 1981–1985 гг. (направлены в ГКНТ 22.11.1977). *Архив Российской академии наук (РАН)*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 267. Л. 57–61.

По большинству тем из приведённого списка планировались исследования в рамках действовавших американо-советских соглашений. Звёздочкой обозначены темы, по которым научные центры США рассматривались в качестве единственных партнёров.

развитие научные связи с США получили в 1970-е гг., когда был подписан ряд межправительственных соглашений, в выполнении которых участвовали отдельные исследователи и целые коллективы институтов АН СССР. Как правило, эти исследования отличались высокой степенью новизны и имели фундаментальный характер (теоретическая физика, новые направления в биологии, экспериментальная психология и ряд других). Тогда были организованы обмены учёными на паритетной основе (до 500 исследователей в год с каждой стороны), проводились двусторонние семинары, симпозиумы и заседания рабочих групп. По ряду направлений (химический катализ, МГД-преобразования энергии, исследования Мирового океана, охрана окружающей среды) были получены хорошие результаты¹⁰.

Далее констатировалось, что в 1980 г. американская сторона «под надуманными предлогами» стала резко сворачивать некоторые действующие программы. В одностороннем порядке были приостановлены межправительственные соглашения и совместные проекты, прекратилось проведение двусторонних симпозиумов в рамках соглашения между АН СССР и Национальной академией наук США. В 1981 г. вдвое была сокращена квота обменов по межакадемическому соглашению¹¹.

В качестве следующей вехи на пути ухудшения отношений указывался 1982 г., когда руководство США не стало продлевать соглашения о сотрудничестве в области науки и техники, энергетики и исследований космоса, у которых истек срок действия. Кроме того, были введены дополнительные ограничения на приглашения советских учёных в США под предлогом возможной «утечки» секретной информации. Отмечалось, что не все американские учёные, принимавшие участие в совместных программах и понимавших их взаимовыгодный характер, разделяли настрой властей. Несколько университетов США обратились к АН СССР с инициативой начать сотрудничество на двусторонней основе. В частности, Американское химическое общество предложило проводить совместные с АН СССР семинары. В апреле 1985 г. первый такой семинар состоялся в СССР, второй было намечено провести в США в 1986 г.

В декабре 1985 г. в СССР состоялась очередная сессия комиссии АН СССР и Американского совета познавательных обществ (АСПО) по связям в области общественных наук, по итогам которой был подписан протокол совместных мероприятий на 1986–1987 гг., а также новое соглашение между АН СССР и АСПО по связям в области общественных наук на 1986–1990 гг.¹². Таким

¹⁰ Справка о научных обменах и сотрудничестве между Академией наук СССР и научными учреждениями, и организациями США. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 608. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Там же. Л. 20.

образом, по мнению авторов обзора, к середине 1980-х гг. очевидный кризис в отношениях был в основном преодолён, ситуация выровнялась и даже наметился определённый прогресс.

Справка АН СССР передаёт общую динамику развития американо-советского научно-технического взаимодействия конца 1970-х – первой половины 1980-х гг., какой она представлялась советской стороне. В целом её содержание подтверждает, что «между 1979 и 2014 гг. самым мрачным периодом были первые пять лет» (Sher 2019: 31). В то же время ряд существенных моментов оказался за рамками этого обзора, о некоторых фактах было сказано бегло, хотя они заслуживают отдельных комментариев или более обстоятельного освещения. Остановимся на наиболее важных из них.

Западная Европа вытесняет Америку?

США и государства Западной Европы в рассматриваемый период в своих отношениях с СССР и Восточной Европой далеко не всегда действовали солидарно. Если разрядка сверхдержав к началу 1980-х гг. сменилась режимом «похолодания», то научно-техническое сотрудничество СССР с европейскими союзниками США продолжалось на прежнем уровне. АН СССР продолжила развивать совместные исследования с научными центрами западноевропейских государств. Например, в 1979 г. Соединённые Штаты приостановили сотрудничество с советскими учёными по проблемам физико-химической биологии и биотехнологии, тогда как в период с 1979 по 1983 г. по линии Академии наук СССР в научные командировки, в основном в государства Западной Европы, только по тематике физико-химической биологии и биотехнологии было направлено 155 учёных. Ещё 276 исследователей выезжали с исследовательскими целями за границу для работы по другим научным направлениям¹³.

Аналогичная тенденция прослеживалась в количественном соотношении двусторонних симпозиумов, семинаров, коллоквиумов, организованных АН СССР в кооперации с зарубежными научными школами. В частности, в 1983 г. состоялось лишь два советско-американских научных форума – один по истории, другой по международным отношениям – с ограниченным количеством участников (соответственно 15 и 12 докладчиков). На этом фоне результаты сотрудничества с государствами «цивилизованного Запада» выглядели впечатляюще: с Францией было организовано шесть мероприятий по актуальным научным проблемам (физико-химические основы жизни, научное приборостроение, полевой географический симпозиум «Альпы – Кавказ», доисторические

¹³ Справка о научном сотрудничестве с капиталистическими и развивающимися странами в области физико-химической биологии и биотехнологии. Октябрь 1983. АРАН. Ф. 1916. Оп. 1. Д. 190. Л. 73.

сообщества и природная среда, физика высоких температур, история культурных связей России и Франции в XVIII–XX вв.); с ФРГ – 12 мероприятий (от высокомолекулярных соединений и структуры генома до литературоведения и социологии); с Финляндией – 16 мероприятий (от кибернетики до языкознания); с Японией – 22 мероприятия (энергетика, космические лучи, заряженные частицы, химия фтора, теория государства и конституционное право, литературоведение). В большинстве случаев эти научные форумы отличались значительным количеством участников и оживлённой дискуссией¹⁴.

В планах международной научной деятельности Академии наук СССР, ГКНТ и Госплана на 1981–1985 гг. не упоминался ни один американский партнёр. Целевые комплексные научно-технические программы развития страны предлагалось решать в кооперации с французскими, финскими, итальянскими, датскими, западногерманскими, британскими научными центрами, а также при участии научных учреждений ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии¹⁵.

Сокращение двусторонних научных контактов наблюдалось и в сфере общественных наук. В начале 1980 г. они были официально прерваны, однако уже в августе того же года стараниями академиков Н.Н. Иноземцева (ИМЭМО АН СССР) и Г.А. Арбатова (ИСКАН СССР), при поддержке руководства АН СССР, сотрудничество с НАН было возобновлено (Черкасов 2004: 444–446). «Продать» это решение вопреки общей тенденции на свёртывание двусторонних связей удалось, прежде всего, в силу высоких экспертных компетенций сотрудников этих институтов в области контроля за вооружением и разоружением, позволявшим им работать в режиме заинтересованного диалога с американскими коллегами, одновременно сохраняя тесные контакты с руководством страны. В рамках этого Соглашения продолжалось начатое ещё в 1970-е гг. сотрудничество ИМЭМО и Стэнфордского исследовательского института. Кроме того, в первой половине 1980-х гг. в Принстоне (1981) и Киеве (1984) состоялись коллоквиумы с участием ведущих историков двух стран (Белявская 2018; Мальков 1981; Шишкин 1982), а в 1985 г. Институт США и Канады принимал группу американских учёных-международников (Красняк 2019). Тем не менее и по количеству участников, и по тематическому охвату, и по формам взаимодействия советско-американские контакты в области гуманитарных наук заметно уступали сотрудничеству советских и европейских учёных.

¹⁴ Перечень двусторонних симпозиумов, семинаров, коллоквиумов, проводимых АН в 1983 г. с зарубежными научными учреждениями. АРАН. Ф. 1916. Оп. 1. Д. 190. Л. 73, 75–78.

¹⁵ Предложения об использовании передового опыта социалистических и развитых капиталистических стран, направленного на выполнение заданий целевых комплексных научно-технических программ и программ по решению важнейших научно-технических проблем, одобренных постановлением ГКНТ, Госплана и Академии наук СССР от 12 ноября 1980 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 267. Л. 2-11, 47–55.

Такая асимметрия в Вашингтоне со временем стала рассматриваться как нежелательное и тревожное обстоятельство, поскольку укрепление горизонтальных связей интеллектуальных элит СССР и Западной Европы несло в себе потенциал для укрепления «европейского единства» в противовес «атлантической солидарности».

Особый статус экологии и медицины

В 1982 г. после того, как правительство США не стало продлевать действие трёх соглашений (о сотрудничестве в области науки и техники, о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, о сотрудничестве в области энергетики), масштабы советско-американских S&T работ заметно сократились: к осени 1983 г. они составляли около 20% от уровня 1979 г. Из подписанных в 1970-е гг. одиннадцати соглашений в силе оставались только семь, причём работа по ним велась с неполной нагрузкой либо была приостановлена¹⁶. Но «стакан двустороннего сотрудничества» опустошён не был, пятая его часть оставалась заполненной даже на пике антисоветской ксенофобии, и этот факт побуждает задаться вопросами: почему разрыв взаимоотношений в научно-технической сфере не был полным? Почему двум соглашениям, также подлежавшим пролонгации в 1982 г. – по медицинским наукам и защите окружающей среды, – американская сторона позволила продлиться автоматически?

Г. Швейцер сообщает, что в начале 1980-х гг. без какой бы то ни было огласки в рамках официальных соглашений выполнялись как минимум 35 проектов, и высказывает предположение, что случилось это из-за того, что проблемы здоровья и защиты окружающей среды были слишком важными, чтобы их игнорировать, какими бы ни были политические условия (Schweitzer 1989: 152). Дж. Шер, напротив, объясняет это тем, что соглашения о сотрудничестве в сфере экологии и здравоохранения оказались «более защищёнными» ввиду того, что «сфера их применения считалась менее опасной», имея ввиду, что эти отрасли науки не были напрямую связаны с оборонными секретами (Sher 2019: 34). Получается, что названные авторы предлагают противоположные версии ответа – в первом случае говорится о том, что договоры устояли ввиду их исключительно высокой значимости, а во втором – по причине их незначительности.

¹⁶ CIA Directorate of Intelligence Report, "Soviet Perspectives on a New US-USSR Scientific Cooperation Agreement". 1987. December 2. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21100-document-6-19871202-soviet-perspectives> (accessed 01.02.2026).

Скорее всего, в данном случае Рейган и члены его администрации руководствовались совсем другой логикой, более политизированной и прагматичной. На заре американо-советской разрядки Никсон и Киссинджер развивали потенциал научных связей с СССР главным образом для того, чтобы включить науку и технологии (наряду с торговлей) в переговорную повестку в качестве элементов политики «увязок», полагая, что в силу высокой заинтересованности СССР в получении доступа к американским технологиям их можно будет использовать как рычаги давления в переговорах по политическим вопросам. Этот подход публично критиковали президент Рейган и наиболее красноречивые члены его команды (как правило, с идеологических позиций), но он использовался не реже, чем раньше¹⁷. Таким образом, приостанавливая действие части соглашений включением их в пакет антироссийских санкций, Рейган, по сути, применял их по первоначальному назначению – в качестве инструмента нажима на руководство СССР по другим вопросам (переговоры по контролю за вооружением, газопровод Уренгой – Помары – Ужгород, Афганистан, Польша, Никарагуа). Но использовать для этих целей все соглашения сразу было всё равно, что лишиться себя всех переговорных козырей. К тому же, сохраняя в рабочем состоянии часть действующих научно-исследовательских проектов, он фактически посылал сигнал и Кремлю, и своим избирателям, что дверь для переговоров с СССР остаётся открытой¹⁸. Наконец, в расчёт могло приниматься и то, что продолжение сотрудничества в области охраны окружающей среды и здравоохранения, в силу их социальной значимости и обращённости к населению обоих государств, несколько смягчало образ воинственного и бескомпромиссного ковбоя, который культивировался в первый год правления Рейгана, при этом сохраняя и даже расширяя каналы доступа к советской элите и «более глубокого проникновения в советское общество» с целью содействия политическим переменам в СССР. Последняя задача стала проговариваться и фиксироваться во внутренней переписке американского руководства уже в начале 1983 г.¹⁹.

¹⁷ Memorandum from Secretary of Defense Weinberger to the President's Assistant for National Security Affairs (Clark). 1983. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 58.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d58> (accessed 01.02.2026); Memorandum from John Lenczowski of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (McFarlane), May 8, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 215.* Washington, May 27. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d215> (accessed 01.02.2026).

¹⁸ Со временем такой расчёт полностью оправдался. Неслучайно в совместном заявлении, принятом по итогам Женевского саммита в ноябре 1985 г., теме защиты окружающей среды был отведён отдельный раздел, а договорённость о возобновлении научных образовательных обменов преподносилась Рейганом как значительная личная победа. См.: Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. 1985. *Ronald Reagan Presidential Library & Museum (RRPLM)*. November 21. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-soviet-united-states-statement-summit-meeting-geneva> (accessed 01.02.2026).

¹⁹ Memorandum From Secretary of State Shultz and the Director of the United States Information Agency (Wick) to President Reagan, March 16, 1983. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 18.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d18> (accessed 01.02.2026).

Из тех же соображений администрация в первые годы не перекрывала каналы сотрудничества по инициативным двусторонним научным проектам, формально не связанным с межправительственными соглашениями, и не пресекала деятельность организаций, занимавшихся организацией международных образовательных и научно-исследовательских обменов, включая Национальную академию наук и Совет по международным научным исследованиям и обмену (АЙРЕКС) (Rabkin 1988: 93), хотя разговоры о возобновлении регулярных культурных обменов у некоторых представителей администрации вызывали опасения, что их могут заподозрить в возвращении к политике разрядки²⁰.

Межакадемическая комиссия по стратегическим проблемам

Вне официальных соглашений о сотрудничестве велась значительная двусторонняя работа по тематике контроля за вооружениями и разоружению. В начале 1980-х г. в АН СССР и НАН США были созданы рабочие группы в составе учёных, обладающих экспертными знаниями в сфере новейших систем оружия. В июне 1981 г. было признано целесообразным проводить регулярные дискуссии о важных аспектах международной безопасности. Тогда же были определены принципы и выработаны исходные рамки проведения закрытых встреч советских и американских экспертов по конкретным научным и техническим темам. Первая такая конференция прошла в январе 1982 г. С советской стороны работу созданной таким образом межакадемической комиссии возглавлял директор ИМЭМО академик Н.Н. Иноземцев, а после его смерти в августе 1982 г. – академик Е.П. Велихов. С американской стороны в неё входили М. Голдбергер (председатель), П. Дотти, В. Пановский, Д. Гарвин и ряд других влиятельных учёных, близких к американскому ВПК. По словам академика Велихова, эта комиссия в начале 1980-х «осталась практически единственным мостом общения по вопросам контроля над вооружениями между СССР и США». После сенсационного выдвижения Рейганом в марте 1983 г. Стратегической оборонной инициативы (СОИ) значение этой площадки заметно возросло. Члены комиссии договорились о приоритетах и выбрали самые острые проблемы, угрожающие взаимной безопасности стран: «прекращение ядерных испытаний, угроза противоспутникового оружия и размещение оружия в космосе, прекращение производства оружейных ядерных материалов» (Велихов 2017: 118–119).

²⁰ Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to President Reagan, April 6, 1983. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985*. Doc. 36. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d36> (accessed 01.02.2026); Address Before a Joint Session of the Congress Following the Soviet-United States Summit Meeting in Geneva, November 21, 1985. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-joint-session-congress-following-soviet-united-states-summit-meeting-geneva> (accessed 01.02.2026).

Так был создан постоянно действующий механизм обмена экспертными мнениями по проблемам международной безопасности и контроля за вооружением. Правительства обоих государств имели возможность знакомиться с материалами комиссии и лично общаться с её членами²¹. Г. Швейцер отмечает, что диалог двух главных национальных научных институций демонстрировал, что неофициальный академический канал коммуникации может эффективно дополнять межгосударственные переговоры по важным проблемам (Schweitzer 2004: 8–9). У этой работы была и обратная сторона: участники дискуссий использовали приобретённые во время таких встреч знания для корректировки научно-исследовательских программ научных организаций, которые они представляли, а также для влияния на позиции лидеров своих государств²².

Свёртывание научных программ

Сужение фронта сотрудничества учёных двух стран, свёртывание ряда программ и нагнетание настроений разочарования в США происходили не одномоментно. Поводы, которые выдвигала американская сторона для прекращения совместных работ, возникали в разное время и имели неоднородную природу. Протесты в связи с нарушениями в СССР прав человека (дело Н. Щаранского, преследования диссидентов, ограничения на выезд советских граждан из страны, ссылка академика А.Д. Сахарова); интервенция в Афганистан, введение военного положения в Польше, трагедия южнокорейского авиалайнера Boeing 747 – все эти события становились резонансными и вызывали реакцию США (с которой иногда солидаризировались другие государства) в виде санкций, распространявшихся, в том числе, и на сферу научно-технических соглашений. Хотя они и выстраиваются в общую репрессивную линию, результатом цельной, объединённой общей целью, политики они не являлись.

²¹ Information Memorandum From the Assistant Secretary of State for European and Canadian Affairs (Burt) to Secretary of State Shultz, May 8, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 216.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d216> (accessed 01.02.2026).

²² В 1983–1985 гг. ведущие советские учёные всё чаще становились участниками двустороннего политического процесса и, помимо способности влиять на настрой лидеров своей страны, попадали в поле зрения американского руководства как обладатели исключительных профессиональных компетенций, позволявших им приобретать заметное политическое влияние и это влияние применять. В частности, документы госдепартамента свидетельствуют о том, что руководство США внимательно следило за высказываниями советских учёных по проблемам космоса, атомной энергии, а также передовых военных разработок, включая СОИ, СТЕЛС, и проявляло заинтересованность в установлении с ними постоянных контактов. На особом счету были академики Е. Велихов и Р. Сагдеев. См.: Memorandum of Conversation, January 26, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 163.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d163> (accessed 01.02.2026); Memorandum From Jack Matlock of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (McFarlane), July 13, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 244.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d244> (accessed 01.02.2026). Дж. Мэтлок вспоминал, что после прихода к власти М.С. Горбачёва влияние этих учёных возросло, достигнув пика к моменту конференции в Рейкьявике в октябре 1986 г. (Matlock 2004: 248).

Единственным исключением в этом ряду можно считать проблему прав человека. Санкционный потенциал правозащитной тематики стал использоваться практически сразу после подписания первых двусторонних советско-американских соглашений в 1972 г. На первых порах им пользовалась оппозиция: в 1974 г., вопреки настрою республиканских администраций Р. Никсона и Дж. Форда, депутаты от Демократической партии сенатор Г. Джексон и конгрессмен Ч. Вэник смогли мобилизовать в обеих палатах Конгресса необходимое большинство для принятия поправки к Закону о торговле США, запрещавшей предоставлять режим наибольшего благоприятствования странам, ограничивающим права своих граждан на эмиграцию, а также нарушающим другие права человека (Юнгблюд, Ильин 2020). Г. Киссинджер не без оснований считал, что инициаторов поправки на самом деле мало волновала судьба «отказников», которым правительство СССР в начале 1970-х гг. не выдавало визы на выезд из страны: «люди Джексона не хотели соглашения. Им нужны были проблемы»²³. Киссинджер тем самым признал, что в США в тот момент возобладала позиция той части элиты, которая считала советско-американское соглашение о торговле, подписанное в октябре 1972 г., политической халатностью, поскольку оно ориентировало американские фирмы, в том числе высокотехнологичные, расширять взаимовыгодное и равноправное сотрудничество с СССР. Поправка преследовала цель исправления этой «халатности».

При Дж. Картере права человека стали ключевым элементом политики в отношении СССР и государств системы социализма. И хотя миссионерская приверженность Картера принципиальной линии поведения в этом вопросе в Москве воспринималась как «чистой воды популизм и в конечном итоге оказалась контрпродуктивной» (Савин, Дённингхаус 2024: 532), тема прав человека закрепилась во внешнеполитическом дискурсе Вашингтона. Рейган включил её в свою переговорную повестку с Москвой в качестве постоянного пункта, репрессивная мощь которого постепенно истощалась по мере продвижения процесса либерализации СССР во второй половине 1980-х гг. Но на поправку Джексона-Вэника Рейган и его администрация не посягали.

Санкции, объявленные в связи с вводом ограниченного контингента советских войск в Афганистан, заранее не планировались и были рассчитаны на получение быстрых политических результатов. Они были импульсивной реакцией на действия советской стороны, сопровождалась неразберихой и, по мнению одного из первых исследователей этой истории, «свидетельствовали о раздражении Картера, а не о зрелом мышлении» (Rabkin 1988: 60–62).

²³ Henry Kissinger Interviewed by Richard Norton Smith April 8, 2009. *Gerald R. Ford Presidential Foundation*. URL: <https://geraldrfordfoundation.org/oralhistory/henry-kissinger> (accessed 01.02.2026).

Программа репрессалий, объявленных Рейганом в конце декабря 1981 г., наоборот, тщательно продумывалась, готовилась в течение длительного времени и была нацелена на то, чтобы нанести Советскому Союзу максимальный экономический урон и создать условия, способствующие увеличению технологического отрыва от СССР.

Наконец, отмена соглашения о сотрудничестве в области транспорта в сентябре 1983 г. была ответом на трагедию южнокорейского лайнера Boeing 747, а не проявлением конкретного стратегического замысла. Более того, накануне этих событий в администрации обсуждались возможности возобновления переговоров с Москвой о заключении соглашения о культурных обменах. Уже в январе следующего года эта работа продолжилась и соответствующее соглашение было подписано в ноябре 1985 г. во время встречи Рейгана и М.С. Горбачёва в Женеве.

К середине 1980-х гг. стало ясно, что как меры давления санкции не эффективны. Администрация озаботилась тем, чтобы без потерь выйти из режима репрессий, показать общественности своё миролюбие, а вместе с тем – сделать шаг навстречу своим учёным, желающим продолжить научный диалог с исследовательскими коллективами и отдельными учёными «научной державы №2».

Академическая свобода vs национальная безопасность

Принципиальную позицию руководства НАН США в отношении правозащитной ситуации в СССР необходимо рассматривать не изолированно, а в контексте исторически сложившихся представлений американских учёных об академической свободе и с учётом масштабных дебатов по поводу целесообразности ужесточения секретности в университетах и научных лабораториях США, развернувшихся в связи с кампанией администрации Рейгана, направленной на предотвращение «утечек» в СССР и социалистические страны информации о новейших научных разработках.

Первой попыткой использовать программу научного сотрудничества в качестве объекта санкций стал перенос в августе 1978 г. администрацией Картера на неопределённый срок даты заседания двусторонней советско-американской Комиссии по научному и техническому сотрудничеству из-за преследований Н. Щаранского. Эта мера действовала в течение непродолжительного срока и через несколько месяцев отношения нормализовались. В конце января 1979 г. Государственный департамент официально уведомил, что отложенный ранее визит американской делегации в СССР состоится в феврале текущего года²⁴ (Peterson 2009: 245).

²⁴ Peterson Ch. Ph. 2009. *Wielding the Human Rights Weapon: The United States, Soviet Union, and Private Citizens, 1975–1989*. A Dissertation presented to the faculty of the College of Arts and Sciences of Ohio University in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. P. 245.

Деградация межакадемических обменов началась с прекращением сотрудничества в области специальных физических проблем весной 1979 г. из-за отказа допустить к участию в научных чтениях в Центре физики в Аспене (штат Колорадо) известного физика Л.Б. Окуня. Основанием для отказа стала причастность учёного к секретным работам по военной тематике. Подобные случаи не были редкостью, но Окунь был физиком с мировым именем, одним из ведущих в своей отрасли, и он не был «отказником». Его участие в совместных научных мероприятиях предварительно согласовывалось руководителями программы Д. Пайнсом и Р. Сагдеевым. Нежелание советской стороны включить его в состав делегации для выступления на конференции по фундаментальным проблемам физики в США расценили как нарушение не только буквы, но и духа сотрудничества, предполагающего взаимность, доверие, открытость и свободу обмена мнениями. Результатом стало решение президента НАН США Ф. Хэндлера прекратить этот проект. Дж. Шер пишет: «Так завершилась совместная работа группы, которая обещала стать самой результативной с научной точки зрения, впечатляющей и престижной из всех, что были созданы в рамках межгосударственных научно-технических соглашений. Американское правительство никак на это не отреагировало. Всё это произошло за семь месяцев до Афганистана» (Sher 2019: 32–33).

Коллизия с правами человека в данном случае возникла не по инициативе правительства США, обвинявшего СССР в нарушениях: решение родилось в самой Академии, не посягало на основы общественно-политического устройства СССР и было направлено на то, чтобы сохранить «жизнеспособность процесса обменов», одним из условий которого являлась академическая свобода. В последующие годы руководство Академии в лице её президентов Ф. Хэндлера, а с 1981 г. Ф. Пресса, неизменно следовало этому подходу. В феврале 1980 г. Хэндлер в письме президенту АН СССР А.П. Александрову подчёркивал, что у учёных США «есть все основания стремиться наладить продолжение обменов в области фундаментальной науки на более или менее значительном уровне с тем, чтобы сохранить конструктивные мосты между нашими двумя странами и содействовать восстановлению сердечных отношений, когда это позволят политические обстоятельства»²⁵.

Это «частное» письмо было написано вскоре после ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан и объявления президентом Картером масштабных санкций против СССР, однако Хэндлер не касался этой деликатной темы, всецело фокусируясь на судьбе академика А.Д. Сахарова,

²⁵ Письмо президента НАН Ф. Хэндлера президенту АН СССР Александрову, 5 февраля 1980 г. АРАН. Ф. 1916. Оп. 1. Д. 190. Л. 27.

находившегося в горьковской ссылке²⁶. Этой же тактики придерживался Ф. Пресс. В 1984 г. он дважды отправлял письма Александрову, подтверждая, что до тех пор, пока Академия наук СССР кардинально не изменит ситуацию с Сахаровым, делегации американских учёных будут воздерживаться от поездок в СССР²⁷.

Одновременно с этой перепиской президент НАН вёл не менее острый диалог с консервативной прессой и сторонниками наращивания санкционного давления на СССР в администрации США. 7 мая 1984 г. он отправил письмо в редакцию газеты «Вашингтон пост», в котором подробно объяснил, почему руководство Национальной академии считает необходимым продолжение диалога «между двумя великими научными державами». Он напомнил, что, хотя в 1980 г. из-за обеспокоенности судьбой академика Сахарова рабочие отношения с руководством Академии наук СССР были фактически прерваны, связи между учёными не прекращались. «Мы считаем, – писал Пресс, – что время требует сотрудничества нового типа с советскими учёными – сотрудничества, основанного на взаимодействии с выдающимися действующими учёными, работающими в области самых передовых исследований в нечувствительных областях науки, в которых наши страны занимают лидирующие места в мире», и напомнил, что США в тот момент являлись единственным в мире демократическим государством, национальная академия которого не имела официального соглашения с АН СССР. Без такого соглашения было крайне затруднительно адекватно оценивать достижения советских учёных, обсуждать насущные исследовательские задачи и влиять на решение гуманитарных проблем. Копия этого письма была отправлена в Белый дом советнику президента по науке Кейворту²⁸.

Таким образом, образовывался замкнутый круг: повышенная секретность и системные меры по охране государственной тайны в СССР приводили к ограничению доступа в советские лаборатории, КБ и исследовательские центры американских учёных и делали «невъездными» значительное количество советских участников проектов, а попытки американских профессоров и политиков повлиять на отношение советских властей к диссидентам и «отказникам» из академической среды советское руководство квалифицировало как вмешательство во внутренние дела страны. Такая ситуация у многих членов

²⁶ Позиция советского руководства в этом вопросе была неизменной: советское правительство и ЦК КПСС считают вопросы о судьбе Сахарова и других диссидентов исключительно внутренним делом и не будут их обсуждать ни с зарубежными правительствами, ни с иными иностранными субъектами, включая НАН США.

²⁷ Frank Press to Academician A.P. Aleksandrov, May 24, 1984; Frank Press to Academician A.P. Aleksandrov, June 7, 1984. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2020-11/40-290-192125755-R09-020-2020.pdf> (accessed 01.02.2026).

²⁸ Letters to the Editor. *The Washington Post*. 1984. *RRPLM*. May 7. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2020-11/40-290-192125755-R09-020-2020.pdf> (accessed 01.02.2026).

администрации Рейгана возбуждала желание начать борьбу с «утечкой информации», ограничивая академические свободы учёных США. Статья полностью «замкнутым» этому кругу мешала позиция американского академического общества.

Вопрос об угрозах национальной безопасности, возникающих вследствие развития научного сотрудничества с советскими учёными, в США звучали с конца 1950-х гг., когда вступило в действие первое двустороннее соглашение об обменах в области науки, техники и культуры (Krasnyak 2023: 58–59). В 1970-е гг. опасения на этот счёт несколько уменьшились, главным образом по причине снижения напряжённости после подписания Договора ОСВ-1 и ряда других документов, наметивших контуры создаваемой архитектуры международной безопасности. К тому же результаты выполнения первых соглашений были изучены экспертами, пришедшими к выводу, что Соединённые Штаты заинтересованы в продолжении совместных исследований²⁹. Помимо собственно научных результатов, складывались благоприятные психологические предпосылки для продолжения многих совместных программ: доверие, личные связи, обмен полезной информацией, взаимная заинтересованность.

В 1979 г. политический климат начал заметно меняться в сторону похолодания, что отражалось на научных обменах. Но по-настоящему серьёзный сдвиг начался, когда администрация Рейгана заявила о планах модернизации вооружённых сил США. Практически сразу после этого пошли разговоры о необходимости покончить с открытым доступом советских учёных и их коллег из Восточной Европы к новейшим технологиям.

Уже весной 1981 г. этой темой всерьёз заинтересовались в профильных комитетах Конгресса³⁰. В правительстве наиболее активно идею ужесточения контроля продвигали директор ЦРУ У. Кейси, министр обороны К. Уайнбергер и советник президента по национальной безопасности У. Кларк, снабжавшие президента информацией о масштабах «утечек» и успехах советской разведки на поприще научно-технического шпионажа (Швейцер 2021; Миллер 2024: 162–165). Аналитические службы разведывательных органов готовили совершенно секретные сообщения о том, как попавшая в руки Советов секретная

²⁹ В 1977 г. НАН США подготовила два всеобъемлющих доклада по результатам выполнения программ научных обменов: «Доклад Кейзена» и «Доклад Гарвина». Оба доклада содержали вывод о том, двустороннее сотрудничество в сфере науки и технологий является «неоценимым благом» и высказались в пользу продления соглашений. См.: Key Issues in U.S. – U.S.S.R. Scientific Exchanges and Technology Transfer. 1979. Report. *Committee on Science and Technology. U.S. House of Representative*. Washington: GPO. P. 6.

³⁰ Statement of Edward O'Malley, Assistant Director, Intelligence Division Federal Bureau of Investigation before the Subcommittee on International Economic Policy and Trade Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 1981. March 26. *CIA Electronic Library*. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp83m00210r000300010006-7> (accessed 01.02.2026); Letter to Honorable William J. Casey from William V. Roth, Jr. *CIA Electronic Library*. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp84b00148r000400820029-2> (accessed 01.02.2026).

информация помогает тем создавать всё более совершенные системы оружия³¹. И, хотя время от времени наиболее квалифицированные эксперты госдепартамента указывали на невысокое качество этих документов³², своё дело они делали – уровень тревожности в стране повышался, звучали предложения полностью перекрыть все каналы общения с советской наукой (Бокарев 2009: 260–262).

Национальная академия наук и американские университеты оказались в уязвимом положении. С одной стороны, объявленная программа модернизации вооружённых сил, под которую выделялись немалые бюджетные ассигнования, сулила им дорогостоящие заказы. В то же время, перспективы получения этих заказов были неочевидны из-за сильной конкуренции со стороны частных исследовательских компаний и инжиниринговых центров.

В частном секторе трудилось значительное количество специалистов высокой квалификации и инженеров, которые, создавая сугубо гражданскую продукцию, могли легко адаптироваться к выполнению заказов для перспективного и ёмкого военного рынка (Irwin 1993: 108–109). На этом фоне университеты критиковались за снижение уровня фундаментальных исследований, открытость и безответственность, из-за которой многочисленные научные открытия и разработки становились доступными для иностранцев, включая представителей СССР. Эта критика находила поддержку в Белом доме, в том числе и со стороны Кейворта.

Научно-академическое сообщество тем не менее сдаваться не собиралось. По инициативе Национальной академии была создана специальная комиссия под руководством Дейла Корсона из Корнеллского университета, которая в течение семи месяцев изучала положение дел в тех университетах, где работали интернациональные исследовательские группы³³. Одновременно специальный обзор для ежегодного доклада Национального научного фонда по теме «Контроль национальной безопасности и научная информация» к середине сентября подготовила Руфь Гринстайн³⁴.

³¹ Information Memorandum From the Acting Assistant Secretary of State for European and Canadian Affairs (Kelly) and the Director of the Bureau of Intelligence and Research (Montgomery) to Secretary of State Shultz, Washington, June 27, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 231.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d231> (accessed 01.02.2026); Memorandum From Jack Matlock of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (McFarlane), November 28, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 320.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d320> (accessed 01.02.2026).

³² *Ibid.*

³³ An Ominous shift to Secrecy. 1982. *Business Week*. October 18. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2024-05/40-290-67018967-R10-036-2023.pdf> (accessed 01.02.2026).

³⁴ National Security Controls and Scientific Information. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2024-05/40-290-67018967-R10-036-2023.pdf> (accessed 01.02.2026).

29 сентября 1982 г. в Национальной академии состоялась презентация итогов исследования Корсона, во время которой прозвучал вывод: утечки секретной информации действительно имеют место, но не из университетов. Они возникают из-за существования серых зон, образовавшихся в частных фирмах и на предприятиях оборонного комплекса, ответственных за разработку и внедрение конкретных технологических линий. В докладе также сообщалось, что учёные социалистических государств, включая Советский Союз, выполняющие исследования на базе американских университетов и академических учреждений, при всём желании не смогут похитить военных секретов ввиду того, что их работы посвящены фундаментальным научным проблемам и не связаны с военными заказами. Подчёркивалась целесообразность продолжения совместных американско-советских исследований, особенно в тех областях, где учёные двух стран являются лидерами и имеют приблизительно одинаковый уровень достижений. Также отмечалось, что приток научной информации из США в СССР – это следствие более продвинутого статуса американской науки, и выражалось сомнение относительно того, что в СССР смогут в течение ближайшего времени воспользоваться полученной в США информацией в военных целях. В то же время констатировалось, что программы обменов с СССР создают условия для знакомства американских учёных с советскими научными достижениями во многих ключевых отраслях знания. К тому же они «благоприятно сказываются на советских институтах и обществе в целом»³⁵.

Комиссия подчеркнула, что на момент проведения исследования существовали пять способов государственного контроля за научными открытиями и новыми технологиями: 1) засекречивание в интересах национальной безопасности; 2) экспортный контроль; 3) контроль за правительственными контрактами в области R&D; 4) запросы на добровольное предоставление информации на предмет её проверки; 5) визовый контроль.

По поводу первого пункта было отмечено, что на момент проведения исследования такого механизма не было. Более того, отсутствовало чёткое определение понятия «секретная технология» (*sensitive technology*). Вместо этого имелся 700-страничный список секретных технологий Министерства обороны, требовавший радикального пересмотра и сокращения. Рекомендовалось оставить в нём только те технологии, которые действительно имели отношение к новейшим системам оружия³⁶. Краткая версия доклада Корсона была отправлена советнику президента по национальной безопасности Кларку.

³⁵ Executive Summary. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2024-05/40-290-67018967-R10-037-2023.pdf> (accessed 01.02.2026).

³⁶ Memorandum for William P. Clark: Background and Talking Points for National Academy of Sciences' Dinner on September 29, 1982. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2024-05/40-290-67018967-R10-037-2023.pdf> (accessed 01.02.2026).

Практически сразу выводы комиссии Корсона получили поддержку Совета президентов научных обществ и Комитета по науке и исследованиям Ассоциации американских университетов³⁷. В декабре 1982 г. проректор Университета Миннесоты профессор Р. Хеллер, сообщая Кейворту о мнении своих коллег из Совета президентов, подчеркнул: «Открытая и ничем не ограниченная свобода общения – это источник жизненной силы науки»³⁸.

В конце 1982 г. в Белый дом поступило множество писем, авторы которых указывали, что сила американской науки «не в секретности, а в открытом распространении знаний и идей»³⁹, предлагали следовать принципу, согласно которому «безопасность через ответственность важнее и эффективней, чем безопасность через секретность»⁴⁰ и подчёркивали, что «секретность не даст преимуществ, но приведёт к потерям». При этом осторожно проводилась мысль в пользу отдельных точечных ограничений «в исключительных случаях»⁴¹.

Таким образом, в конце 1982 г. американское академическое сообщество показало свою сплочённость и сумело выдвинуть возражения против предложений консерваторов ограничить академические свободы и разорвать последние связи с советскими учёными. Эта дискуссия показала, что инерция сближения представителей различных научных культур, начавшегося в предшествующее десятилетие, не иссякла. Данное обстоятельство создавало материальный базис для нового раунда переговоров о возобновлении научных обменов и восстановлении во второй половине 1980-х гг. почти в полном объёме перечня соглашений о научно-техническом сотрудничестве.

Дебаты по поводу того, возможно ли на практике совместить принципы академической свободы и национальной безопасности тем не менее продолжились. В них были вовлечены представители администрации, средств массовой информации и учёные. В мае 1984 г. академический Комитет по науке, технике и публичной политике⁴² подтвердил приверженность выводам комиссии Корсона и предложил вернуться к изучению вопроса о влиянии ограничений, связанных с защитой научной информации, на международный технологический трансфер, на этот раз распространив исследование на частные научно-исследовательские центры, высокотехнологичные предприятия (в том числе военные),

³⁷ Frank H.T. Rhodes to Dr. Frank Press. November 3, 1982. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2024-05/40-290-67018967-R10-036-2023.pdf> (accessed 01.02.2026).

³⁸ *Ibid.* Provost Robert L. Heller to Dr. George A. Keyworth II. December 6, 1982.

³⁹ *Ibid.* Joel Davis to Dr. George A. Keyworth. 16 November 1982.

⁴⁰ *Ibid.* Frank H.T. Rhodes to Dr. Frank Press. November 3, 1982.

⁴¹ *Ibid.* National Security Controls and Scientific Information.

⁴² Комитет по науке, технике и государственной политике (Committee on Science, Engineering, and Public Policy, COSEPUP) – совместный консультативный и координационный орган Национальной академии наук, Национальной инженерной академии и Национальной медицинской академии, созданный для рассмотрения междисциплинарных вопросов научной политики страны и взаимодействия с соответствующими подразделениями администрации президента, правительства и Конгресса США.

а также на инстанции экспортного контроля. В подготовленном для советника президента по науке меморандуме сообщалось, что для выполнения этой работы потребуется 18 месяцев при бюджете 647,265 долл.⁴³

При таких обстоятельствах Рейган предпочёл не углублять разногласия: в сентябре 1985 г. он издал директиву, в которой были учтены рекомендации комиссии Корсона. Этот документ подтверждал, что распространение результатов фундаментальных исследований не подлежит ограничениям. Предложение Комиссии о создании особого ведомственного механизма засекречивания технологий, имеющих оборонное значение, также было учтено, но только в отношении научных исследований, выполняемых за счёт федерального бюджета⁴⁴. Таким образом был воплощён в жизнь принцип «безопасность через ответственность». Другим бонусом стал запуск в середине 1980-х гг. «Университетской инициативы Министерства обороны», нацеленной на укрепление лабораторной базы университетов, внедрение образовательных программ, необходимых для нужд оборонного комплекса, и на поддержку научных исследований в интересах вооружённых сил страны⁴⁵.

У этой истории было ещё одно, неожиданное продолжение. 24 апреля 1985 г. в газете «Уолл стрит Джорнл» появилась публикация, где сообщалось о высоком качестве советских научных исследований, о том, что американские учёные узнают о советских разработках в ходе научных обменов, и это способствует совершенствованию оборонных систем США. Академик Г.А. Арбатов написал по этому поводу письма президенту АН СССР А.П. Александрову и Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву, где появление такой публикации назвал «гнусной провокацией», затеянной для того, чтобы добиться научно-технической изоляции СССР с целью «обречь на отставание, замедлить развитие нашего общества».

Арбатов писал: «Методы – любые, вплоть до самых гнусных, провокационных, убеждён, что под этим углом зрения следует рассматривать и попытки американцев убедить нас, будто их научно-технические обмены с СССР серьёзно помогают американской военной промышленности». Развивая эту мысль, Арбатов сообщал, что в начале мая на страницы американской прессы просочились сведения об острых столкновениях между крайне правыми деятелями

⁴³ Study of the Impact of National Security Controls on International Technology Transfer. May 10 1984. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2020-11/40-290-192125755-R09-020-2020.pdf> (accessed 01.02.2026).

⁴⁴ Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Policy for Release of Sensitive Information Derived From Federally Funded Research, 27 September, 1985. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/statement-principal-deputy-press-secretary-speakes-policy-release-sensitive> (accessed 01.02.2026); Frank Press to Keyworth, June 19, 1984. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2020-11/40-290-192125755-R09-020-2020.pdf> (accessed 01.02.2026).

⁴⁵ Point Paper: DoD University Research Initiative. *RRPLM*. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/2024-05/40-290-67018967-R10-037-2023.pdf> (accessed 01.02.2026).

и руководством Национальной академии наук в США по вопросу научных обменов и контактов между СССР и США из-за того, что Академия решила эти контакты возобновить. Заместитель министра обороны Р. Пёрл по этому поводу, якобы, высказался в том смысле, что, исходя из интересов «национальной безопасности США», он заблокировал бы все научные контакты с Советским Союзом. Учёные активно возражают против этой линии. «Вполне возможно, – делал вывод Арбатов, – что именно поэтому вашингтонская администрация решила расширить набор используемых средств для полного блокирования советско-американских научных связей, чтобы мы в значительной мере за них выполнили эту работу»⁴⁶.

Скорее всего, так всё и было. Следует лишь добавить, что о пользе развития связей с лучшими советскими научными школами в США говорили уже не первый год.

Заключение

В 1984 г. в США проходили очередные президентские выборы. Администрация Рейгана подводила итоги и определяла перспективы на следующий срок. Настроение у действующего главы государства и его команды было оптимистичным: экономика страны шла в гору, начавшийся научно-технологический бум позволял строить футуристические планы, в том числе и по части укрепления обороноспособности страны. В области международных отношений обстановка также благоприятствовала укреплению позиций США.

Подводя итоги четырёхлетнего цикла, председатель Совета по планированию политики государственного департамента П. Родмэн на первое место в списке достижений администрации поставил то, что она смогла «остановить тревожный просоветский сдвиг в глобальном “соотношении сил” ... буквально на глазах “сдерживание” из благочестивого лозунга превратилось в оперативную реальность»⁴⁷. В документе говорилось о планах США добиваться изоляции Москвы на международной арене, делать всё для ослабления её позиций в Восточной Европе, продолжая вести переговоры с Кремлём по важным вопросам международной жизни.

⁴⁶ Письмо Г.А. Арбатова – М.С. Горбачёву, сентябрь 1985 г. *РГАНИ*. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 63.; Письмо Г.А. Арбатова – А.П. Александрову, сентябрь 1985 г. *РГАНИ*. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 84.; Письмо Г.А. Арбатова – М.С. Горбачёву, апрель 1986 г. *РГАНИ*. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 105–106.

⁴⁷ Memorandum from the Chairman of the Policy Planning Council (Rodman) to Secretary of State Shultz, July 26, 1984. *FRUS, 1981–1988, Vol. IV, Soviet Union, January 1983 – March 1985. Doc. 254*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d254> (accessed 01.02.2026).

В целом итоги политики на советском направлении в госдепартаменте оценивались как успех, но не как триумф. В 1984 г. в США никто не ждал от Москвы капитуляции, считалось, что следующие четыре года действия руководства СССР будут посвящены обновлению правительства, модернизации и возрождению страны⁴⁸.

В меморандуме Родмэна имеется характерный пассаж, который можно считать ключом к пониманию политики администрации Рейгана в отношении Советского Союза: «Одной из сильных сторон советской внешней политики всегда была её непреклонность и терпеливая решимость. У Советов есть долгосрочная стратегия. Нам нужно иметь такую же»⁴⁹. В этой фразе соединились признание достоинств стратегически цельной политики Кремля с констатацией непоследовательности и спонтанности политики Белого дома.

На фоне более поздних трудов триумфалистского плана, в которых Рейган и его соратники предстают несгибаемыми стратегами, сокрушившими коммунизм, такая самооценка выглядит обескураживающе. Тем не менее история взаимоотношений двух сверхдержав в области научных обменов и технологического трансфера в 1981–1985 гг. вывод доклада Родмэна в целом подтверждает: курс команды Рейгана в первой половине 1980-х гг. не отличался последовательностью, был нацелен на возврат к Холодной войне и причинение Москве максимального ущерба, но не на нанесение ей стратегического поражения.

В одном отношении политика администрации Рейгана существенно отличалась от действий его предшественников как из республиканской, так и демократической партии. Нащупывая собственный алгоритм стратегии «сдерживания коммунизма», она в конечном счёте сделала ставку на научно-технический прогресс и достижение Соединёнными Штатами превосходства над СССР не только в военном, но и в общесистемном отношении. Константой этой политики, при всех её колебаниях и спонтанности выдвигания ключевых лозунгов и программ, была идея демонстрации превосходства американской системы над советской. Становившиеся всё более очевидными симптомы глубокого кризиса в СССР придавали этой политике убедительность. Советский Союз отчаянно нуждался в обновлении своей технологической базы, и администрация Рейгана приложила значительные усилия для того, чтобы этому помешать. Сохранение объявленных ранее и введение новых санкций, давление на союзников, сокращение совместных научных программ и технологических обменов, кампания борьбы против утечки научно-технической информации –

⁴⁸ Paper Prepared in the Bureau of European and Canadian Affairs, August 2, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983–March 1985. Doc. 260.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d260> (accessed 01.02.2026).

⁴⁹ Memorandum From the Chairman of the Policy Planning Council (Rodman) to Secretary of State Shultz, July 26, 1984. *FRUS, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983–March 1985. Doc. 254.* URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04/d254> (accessed 01.02.2026).

все эти средства были задействованы для того, чтобы подорвать технологический суверенитет СССР. Однако к середине 1980-х гг. эта цель достигнута не была.

Заметную роль в деле сохранения американско-советских научно-технических связей сыграли представители академического сообщества сверхдержав, не желавшие отказываться от преимуществ двустороннего сотрудничества. Будучи далёким от науки человеком, Рейган тем не менее осознавал, какое значение предстоит сыграть учёным в осуществлении его политических замыслов, и пытался заручиться поддержкой интеллектуальной элиты. Проявляя терпение и гибкость, к концу первого президентского срока он сумел установить конструктивные отношения с академическим сообществом, невзирая на то, что в отдельные моменты оно проявляло свой неуступчивый и независимый нрав.

Всемерно поощряя наращивание научно-технологической мощи страны, администрация Рейгана в первой половине 1980-х гг. создавала предпосылки для нового сближения с СССР и обеспечения лояльности своих союзников.

Об авторе:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-1399, <https://rscf.ru/project/24-28-01399/>

UDC: 327(470+73)"1981/1985":001.32

Received: November 11, 2025

Accepted: January 20, 2026

“The times call for a new type of interaction with soviet scientists”: scientific exchanges between the superpowers during the Reagan presidency

 V.T. Yungblud

[DOI 10.24833/2071-8160-2026-1-106-127-158](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-1-106-127-158)

Vyatka State University

Abstract: Scientific and technological interaction between the United States and the Soviet Union in the 1980s constituted a complex and strategically significant dimension of the final stage of the Cold War. This article examines the transformation of U.S.–Soviet scientific exchanges during the first presidential term of Ronald Reagan (1981–1985), situating them within the broader framework of renewed geopolitical confrontation and technological rivalry. The study is based on digitized materials from the U.S. Department of State, the Ronald Reagan Presidential Library, CIA records, and unpublished documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Russian State Archive of Contemporary History.

Special attention is devoted to contacts between the USSR Academy of Sciences and the U.S. National Academy of Sciences, which functioned as a semi-autonomous channel of dialogue even at the height of political tensions. The article demonstrates that, contrary to later triumphalist interpretations, the Reagan administration initially lacked a coherent long-term strategy toward the Soviet Union. While prioritizing military modernization and technological superiority as key instruments of containment, it did not fully sever scientific ties. Instead, a selective approach emerged: several intergovernmental agreements were suspended, yet cooperation in medicine and environmental protection was preserved, and informal academic exchanges continued.

A central argument of the article is that American scientific institutions played an independent and influential role in resisting attempts by conservative officials to impose sweeping secrecy restrictions and curtail academic freedom. The debates over national security versus openness revealed structural tensions within U.S. policy. Ultimately, by the mid-1980s, the administration acknowledged the strategic value of maintaining limited scientific dialogue as both a source of technological insight and a political “window of opportunity” in relations with Moscow.

The article concludes that scientific exchanges did not determine the outcome of the Cold War but formed an important arena in which technological competition, diplomacy, and academic autonomy intersected.

Keywords: Soviet-American relations, Reagan, Schultz sanctions, technology transfer, scientific and technical cooperation, Cold War, USSR Academy of Sciences, US National Academy of Sciences

About the author:

Valery T. Yungblud – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Political Sciences, President of VyatSU, Vyatka State University, 610000, Russia, Kirov, Moskovskaya Str, 36, valerteod@gmail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01399 <https://rscf.ru/en/project/24-28-01399/>

References:

Ailes C.P., Pardee A. 2018. *Cooperation in Science and Technology: An Evaluation of the U.S. – Soviet Agreement*. New York: Routledge.

Bailey N.A. 2016. The Cold War in Context. *The Grand Strategy that Won the Cold War: Architecture of Triumph*. Ed. by D. E. Streusand, N.A. Bailey, F.H. Marlo, P.D. Gelpi. Lanham: Lexington Books. P. 25–31.

Garthoff R. 1994. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, D.C.: The Brookings Institution.

Hatzivassiliou E. 2018. *Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy, 1971–1982*. New York: Woodrow Wilson International Center for Scholars.

Irwin S.M. 1993. *Technology Policy and America's Future*. New York: St. Martin's Press.

Keyworth G.A. - II. 2010. Policy, Politics and Science in the White House (The Reagan Years). *Presidential Science Advisors: Perspectives and Reflections on Science, Policy and Politics*. Ed. by R. Pielke-Jr., R. A. Klein. New York: Springer Science. P. 57–64.

Krasnyak O. 2023. The Cold War Statecraft and Public Diplomacy: Assessing US-Soviet Scientific-Technical Exchanges. *Place Branding and Public Diplomacy*. Vol. 19. P. 54–63. DOI: 10.1057/s41254-021-00220-8

Krasnyak O. 2019. *How U.S. – Soviet Scientific and Technical Exchanges Helped End the Cold War*. URL: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2019/11/how-u-s-soviet-scientific-and-technical-exchanges-helped-end-the-cold-war/> (accessed 01.02.2026)

La Barca G. 2023. *International Trade under President Reagan US Trade Policy in the 1980s*. London: Bloomsbury Academic.

Marlo F.H. 2016. Ronald Reagan: the Spirit behind the Strategy. *The Grand Strategy that Won the Cold War: Architecture of Triumph*. Ed. by D.E. Streusand, N.A. Bailey, F.H. Marlo, P.D. Gelpi. Lanham: Lexington Books. P. 11–23.

Matlock J.F.-Jr. 2004. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. New York: Random House.

Oreskes N., Krige J. 2014. *Science and Technology in the Global Cold War*. Cambridge (Massachusetts): Massachusetts Institute of Technology.

Paulauskas M.V. 2015. Reagan, the Soviet Union, and the Cold War, 1981–1985. *A Companion to Ronald Reagan*. Ed. by A.L. Johns. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 276–294.

Rabkin Ya.M. 1988. *Science between Superpowers*. New York: Priority Press.

Reynolds D. 2010. Science, Technology, and the Cold War. *The Cambridge History of the Cold War. Vol. III: Endings*. Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. Cambridge, UK: Cambridge University Press. P. 378–399.

Robinson R.W.-Jr. 2016. Reagan's Soviet Economic Take-Down Strategy: Financial and Energy Elements. *The Grand Strategy that Won the Cold War: Architecture of Triumph*. Ed. by D.E. Streusand, N.A. Bailey, F.H. Marlo, P.D. Gelpi. Lanham: Lexington Books. P. 159–174.

Schweitzer G. E. 2004. *Scientists, Engineers, and Track-Two Diplomacy: A Half-Century of US-Russian Interacademy Cooperation*. Washington, D.C.: The National Academies Press.

Schweitzer G. E. 1989. *Techno-Diplomacy: US–Soviet Confrontations in Science and Technology*. New York: Plenum Press.

Sher G. S. 2019. *A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press.

Wolfe A. J. 2013. *Competing with the Soviets: Science, Technology, and the State in Cold War America*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Atoyan A.I., Krysenko D.S. 2017. Nauchno-tehnicheskoe sopernichestvo SShA i SSSR v period Holodnoj vojny [Scientific and Technical Rivalry between the USA and the USSR during the Cold War]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya B: gumanitarnye nauki*. Vol. 4. P. 17–26. (In Russian)

Batyuk V.I. 2018. *Holodnaya vojna mezhdru SShA i SSSR (1945–1991): ocherki istorii* [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991): Essays on the history]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir». (In Russian)

Belyavskaya I.A. 2018. *Kollokvium istorikov SSSR i SShA*. [Colloquium of Historians of the USA and USSR] URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/КОЛЛОКВИУМ-ИСТОРИКОВ-СССР-И-США> (In Russian)

Cherkasov P.P. 2004. *MEMO. Portret na fone epochi*. [IWEIR. Portrait on the Background of the Epoch]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir». (In Russian)

Bokarev Yu.P. 2009. *Tekhnologicheskaya vojna i eyo rol' v geopoliticheskoy konfrontatsii mezhdu SShA i SSSR* [Technological Warfare and Its Role in the Geopolitical Confrontation between the USA and the USSR]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. Vol. 8. P. 252–297. (In Russian)

Dobrynin A.F. 1996. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SShA (1962–1986 g.)* [Strictly Confidential. Ambassador to Washington under six US presidents (1962–1986)]. Moscow: Avtor. (In Russian)

Gromyko A.I.A. 2019. *Diplomatiya pozitivnogo dejstviya* [The Diplomacy of Positive Action]. «*Vojna mezhdu gosudarstvami – velikoe zlo*». *K 110-letiyu A.A. Gromyko*. Institut Evropy RAN, Assoc. vneshnepolit. issled. im. A.A. Gromyko; Obshchaya redakciya A.I.A. Gromyko. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». (In Russian)

Mal'kov V.L. 1981. *Chetvertyi Kollokvium istorikov SSSR i SShA v Prinstone (SShA)* [The Forth Colloquium of Historians of USSR and USA in Princeton (USA)]. *Amerikanskii Ezhegodnik 1981*. Moscow. P. 274–276. (In Russian)

Miller K. 2024. *Vojna chipov: Bor'ba za samuyu vazhnuyu tekhnologiyu v mire* [Chip War: The Fight for the Most Important Technology in the World]. Moscow: SberUniversitet. (In Russian)

Mitrokhin N. 2023. *Ocherki sovetskoj ekonomicheskoy politiki v 1965 – 1989 godah. Tom 2* [Essays on Soviet Economic Policy in 1965–1989. Volume 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2022. *Istoriya i politika* [History and Politics]. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». (In Russian)

Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnej politiki SShA* [The History of US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Pipes R. 2005. *Ya zhil. Memuary neprimknuvshego* [Vixi: Memoirs of a Non-Belonger]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij. (In Russian)

Safonov A. 2025. *Bol'shaya sovetskaya ekonomika: 1917–1991* [The Great Soviet Economy: 1917–1991]. Moscow: Individuum, Eksmo. (In Russian)

Savin A.I., Dönninghaus V. 2024. *Leonid Brezhnev. Opyt politicheskoy biografii* [Leonid Brezhnev. The Experience of Political Biography]. Moscow: AFK Sistema. (In Russian)

Schweitzer P. 2021. *Tajnaya strategiya razvala SSSR. Rol' administratsii SShA* [The Secret Strategy of the Collapse of the USSR. The Role of the US Administration]. Moscow: Rodina. (In Russian)

Shishkin V.A. 1982. *IV sovetsko-amerikanskii kollokvium istorikov* [The Forth Colloquium of Historians of USSR and USA]. *Istotiya SSSR*. №1. P. 194–197. (In Russian)

Velihov E. 2017. *Moj put'. Ya na valenkah poedu v 35-j god* [My Way. I'm Going to Ride Boots in the 35th Year]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russian)

Yungblyud V.T. 2025. *Torgovlya i nauchno-tekhnicheskoe vzaimodejstvie s SShA v povestke rukovodstva SSSR v gody razryadki, 1969–1982* [Trade and Scientific and Technical Co-operation with the USA on the Agenda of the USSR Leadership in the Years of Détente, 1969–1982]. *Quaestio Rossica*. 13(2). P. 755–778. DOI: 10.15826/qr.2025.2.992. (In Russian)

Yungblyud V.T. *Torgovlya i nauchno-tekhnicheskoe vzaimodejstvie s SSSR v povestke amerikanskogo rukovodstva v gody razryadki (1969–1980)* [Trade and Scientific-Technical Cooperation with the USSR on the U.S. Leadership's Agenda During the Era of Détente (1969–1980)]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(6). P. 7–32. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32. (In Russian)

Yungblyud V.T., Ilyin D.V. 2020. Popravka Dzheksona – Venika i razvitie sovetsko-amerikanskikh otnoshenij v 1972 – 1975 gg. [Jackson–Vanik Amendment and Development of Soviet-American Relations in 1972–1975]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(2). P. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39 (In Russian)

Zubok V.M. 2023. *Kollaps. Gibel' Sovetskogo Soyuza* [Collapse. The Demise of the Soviet Union]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Атоян А.И., Крысенко Д.С. 2017. Научно-техническое соперничество США и СССР в период Холодной войны. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки*. №4. С. 17–26.

Батюк В.И. 2018. *Холодная война между США и СССР (1945–1991): очерки истории*. Москва: Издательство «Весь мир».

Белявская И.А. *Коллоквиум историков СССР США*. URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/КОЛЛОКВИУМ-ИСТОРИКОВ-СССР-И-США> (дата обращения: 01.02.2026).

Бокарев Ю.П. 2009. Технологическая война и её роль в геополитической конфронтации между США и СССР. *Труды Института российской истории РАН*. №8. С. 252–297.

Велихов Е. 2017. *Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год*. Москва: Издательство АСТ.

Громыко Ал.А. 2019. Дипломатия позитивного действия. «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А.А. Громыко. *Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А.А. Громыко; Общая редакция Ал.А. Громыко*. Москва: Издательство «Весь Мир».

Добрынин А.Ф. 1996. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 г.)*. Москва: Автор.

Зубок В.М. 2023. *Коллапс. Гибель Советского Союза*. Москва: Издательство АСТ.

Мальков В.Л. 1981. Четвёртый коллоквиум историков СССР и США в Принстоне (США). *Американский ежегодник 1981*. Москва. С. 274–276.

Миллер К. 2024. *Война чипов: Борьба за самую важную технологию в мире*. Москва: СберУниверситет.

Митрохин Н. 2023. *Очерки советской экономической политики в 1965 – 1989 годах. Том 2*. Москва: Новое литературное обозрение.

Пайпс Р. 2005. *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. Москва: Московская школа политических исследований.

Печатнов В.О. 2022. *История и политика*. Москва: Издательство «Аспект Пресс».

Печатнов В.О., Маныкин А.С. 2012. *История внешней политики США*. Москва: «Международные отношения».

Савин А.И., Дённингхаус В. 2024. *Леонид Брежнев. Опыт политической биографии*. Москва: АФК «Система».

Сафронов А. 2025. *Большая советская экономика: 1917–1991*. Москва: Individuum, Эксмо.

Черкасов П.П. 2004. *ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи*. Москва: Издательство «Весь Мир».

Швейцер П. 2021. *Тайная стратегия развала СССР. Роль администрации США*. Москва: Родина.

Шишкин В.А. 1982. IV советско-американский коллоквиум историков. *История СССР*. №1. С. 194–197.

Юнгблюд В.Т. 2024. Торговля и научно-техническое взаимодействие с СССР в повестке американского руководства в годы разрядки (1969–1980). *Вестник МГИМО-Университета*. 17(6). С. 7–32. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32.

Юнгблюд В.Т. 2025. Торговля и научно-техническое взаимодействие с США в повестке руководства СССР в годы разрядки, 1969–1982. *Quaestio Rossica*. 13(2). С. 755–778. DOI: 10.15826/qr.2025.2.992.

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2020. Поправка Джексона – Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(2). С. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39